

⁶Абросимов М. В. Стабилизация денежной единицы (Проект реформы золотого монометаллизма, предложенный Ирвингом Фишером) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1925. № 5–7. С. 172.

⁷Абросимов М. В. Ценность денег. С. 149.

⁸Там же. С. 160.

⁹Там же. С. 122–123.

¹⁰Там же. С. 145–146.

¹¹Там же. С. 180–181.

¹²Там же. С. 175.

¹³Там же. С. 136.

М. В. АБРОСИМОВ

ОСНОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ¹

1. Вопрос — почему натуральные блага имеют ценность — господствующая теория разрешает вполне определенно и просто: они полезны и редки², следовательно, не могут не быть в сфере интереса отдельных лиц, а значит, не могут не иметь и объективной меновой ценности относительного удельного веса в междухозяйственном обороте. Иначе должен разрешаться этот вопрос в отношении денег: они полезны в целом как институт, но каждая денежная единица не обладает самостоятельной конкретной полезностью в том смысле, как натуральные блага. Поэтому в отличие от натуральных благ основание их ценности нужно искать не в полезности, а в чем-то ином.

Ценность денег зависит от ценности натуральных благ в том смысле, что не будь последних, не было бы никакого смысла и в существовании денег. Но ценность денег образуется путем отражения, а не вычета из ценности натуральных благ. Представление, согласно которому деньги, принимая ценность, соответственно уменьшают ценность натуральных благ, не вызывается никакими реальными процессами и несогласимо с пониманием ценности как относительной величины.

Ценность денег существует потому и в меру того, насколько они представляют натуральные блага³. Поэтому и вопрос, почему они имеют ценность, мы считаем до известной степени по-

вторением вопроса — почему существуют деньги — и не находим ничего для ответа на него, кроме того, что силою вещей, имманентно процессу общественно-хозяйственного развития в индивидуалистическом направлении в общую систему благ вырастает система отсылочных благ, подставляющих натуральные. Происходит это потому, что индивидуалистического склада общественное хозяйство нуждается в универсальном представителе и выразителе объективной ценности.

Если ценность денег покоится на связи их с натуральными благами, то логически для ее бытия и основания совершенно безразличен внешний вид вещей, представляющих деньги. Все равно, металлические они или бумажные, подлежат они государственному регулированию или нет, источник своего существования, а следовательно, и ценности — ибо бесценные деньги *nonsens* — они имеют в исторически установившейся связи с натуральными благами, в своего рода экономическом симбиозе с ними.

Деньги обладали бы ценностью (т. е. функционировали бы) и на том же основании, как и в настоящее время, если бы развились до идеальных денег, лишенных каких бы то ни было вещных пунктов прикрепления, как имеют они ценность в настоящее время при бесценности их вещества (бумажные деньги). И при металлическом устройстве деньги имеют внутреннее денежное основание ценности.

2. Положение, что деньги имеют собственное, т. е. функциональное основание ценности, оспаривается сторонниками вещной теории ценности денег, металлистами. Типичным для строгого теоретического металлизма является взгляд, что бумажные деньги (и неразменные) не деньги в собственном смысле, а некоторое патологическое состояние денег, и они имеют ценность вследствие и в размере вероятности их размена на металл, неполноценные деньги функционируют лишь как представители полноценных, и их ценность зависит от этих последних, ценность же последних находится в исключительной зависимости от ценности их вещества, металла. Значит, ценность всех денег сводится к ценности металла.

Верно, что ценность денег не может быть ниже ценности их вещества, а при известной организации их (свободная и бесплатная чеканка соответствующего металла или, что то же, неограниченная покупка металла правительством или частным эмиссионным банком по цене, соответствующей металлическому содержанию денежной единицы) не может быть не равна ценности их

вещества: не ст
ления десятиру
обратно, за сли
десятирублевин
ном случае его
или другой инд
тесной коррел
щества нельзя
ценности дене
зился Л. фон-
ценности золо
ны денежной с
мышленности,
ющей, подвер
копленного в
заться, что эт
изводства зол
ность. Вопрос
мечанием, чт
золото со сто
где его добы
(мы имеем в
был бы значи
но бесспорно
нообразующ
следствия де
сти серебра
многих стран
ся в некотор
монет⁴. Исто
том, при пол
ценности. И
они золотые
Впрочем
ляется цен
оретическо
ют это, уде
денег, а им
и что невоз
ные ценной
существова

вещества: не станут продавать золото, достаточное для изготовления десятирублевой монеты, за значительно меньшую цену, и обратно, за слиток, содержащий то же количество золота, что и десятирублевик, не заплатят больше десяти рублей, ибо в противном случае его монету выгоднее использовать как слиток для той или другой индустриальной цели. Но из этого факта абсолютно тесной корреляции между ценностью денег и ценностью их вещества нельзя делать вывода об исключительной зависимости ценности денег от ценности металла. Дело в том, что, как выразился Л. фон-Мизес, «функция денег ценнообразующая», для ценности золота далеко небезразличен спрос на него со стороны денежной системы: если бы золото использовали лишь в промышленности, его ценность была бы значительно ниже существующей, подвергалась бы большим колебаниям, и количество накопленного в мире золота было бы много меньше. Может показаться, что это не согласуется с фактом высоких издержек производства золота, с которыми должна соотноситься его ценность. Вопрос этот мы рассмотрим ниже; здесь ограничимся замечанием, что при отсутствии ценнообразующего спроса на золото со стороны денег оно не добывалось бы в тех условиях, где его добыча была сопряжена с очень высокими издержками (мы имеем в виду реальные издержки), а значит, и запас золота был бы значительно меньшим. В правильности этого совершенно бесспорного для современных теоретиков положения о ценнообразующей роли денежного спроса на металл убеждают последствия демонетизации: с семидесятых годов падение ценности серебра усилилось, между прочим, благодаря переходу многих стран к золотому монометаллизму, сопровождавшемуся в некоторых случаях демонетизацией части их серебряных монет⁴. Исторически функция денег для золота была парашютом, при помощи которого задерживалась скорость падения его ценности. И золотые деньги так ценны не столько потому, что они золотые, сколько потому, что они деньги.

Впрочем, отрицание того, что денежный спрос на металл является ценнообразующим для него, вовсе необязательно для теоретического металлизма; металлисты могут признать и признают это, удерживая основную позицию вещной теории ценности денег, а именно, что ценность денег — это ценность их вещества, и что невозможны самостоятельные настоящие деньги, лишенные ценной субстанции. Этому положению противостоит факт существования бумажных денег (неразменных государственных

нот или банкнот). Считаясь с этим фактом, металлисты пытаются свести ценность бумажных денег к ценности металла, выставляя положение, что своей ценностью бумажные деньги обязаны надежде на размен их на металл. С абсолютной категоричностью это высказывает М. Буржен: «Билет в 100 франков, которому государство сообщает принудительный курс, может в большей или меньшей степени обесцениваться по причине его необмениваемости, однако всею своею ценностью он обязан более или менее прочному расчету на то, что он будет оплачен, и он ее окончательно утратил бы, если бы исчезла всякая надежда на возобновление его обмена на звонкую монету»⁵.

Не касаясь здесь роли момента доверия в установлении и изменении величины ценности бумажных денег, вскрыем неосновательность этого сведения их ценности к ценности металла. В основе этой вещно-кредитной, как бы мы назвали ее, теории ценности бумажных денег лежит взгляд на них как на долговые документы государства (или частного эмиссионного банка): это векселя, выданные государством, и их ценность определяется только тем, какова вероятность, что их так или иначе оплатит государство.

С точки зрения этой теории, ценность бумажно-денежной единицы должна быть меньше или в крайнем случае равной той, какую имеет соответствующее количество металла (на который бумажные деньги были разменны), но она ни в коем случае не может быть больше той последней, подобно тому как вообще доверенный не может получить больше прав, чем имеется у верителя. Между тем в истории часто имели место случаи, когда денежные единицы бумажных систем имели ценность, большую их металлических предшественниц, на которые они разменивались до прекращения размена. По сообщению В. Лексиса, «в Австрии в 1892 году курс бумажного гульдена равнялся 1,68–1,70 марки, в то время как ценность содержащегося в серебряном гульдене серебра была равна 1,30–1,40 марки»⁶. Почему же бумажный гульден, раньше разменный на серебряный, получил ценность, большую вещной ценности этого последнего?

Это произошло не потому, что бумажный гульден возрос в своей ценности, а потому, что ценность серебра сильно пала в последние десятилетия прошлого века с падением издержек его производства (добычи) и переходом многих стран к золотому монометаллизму. Австрия прекратила свободную чеканку се-

ребра в 1879 году, собственный счет свободной чеканки, государственные же были в ценности отсутствию своей, сначала ушедшие, вновь возвратились, лютные деньги гульденами, покуда больше, чем за Испанией, России реформы Витте, ков процентов не ставлял (размен, но-кредитной те, нить, почему же бумажные деньги

Объяснение таллизма факто Лефлина на основе впадают с выше, того факта, что, какую бы то ни, размена. Желе, может продава, как потому, что, ние в вероятнос, делении дивиде, на ценность не (taken money, регулирующий, мена. Действи, мости от учета, обещание, вып, сти от близости

Отсюда не, ния вышепривед, над ценностью, ны. Лефлин по, ство, что обще

ребра в 1879 году и воздерживалась от усиленной чеканки его за собственный счет. Не будь этого лишения серебра права свободной чеканки, серебряный гульден (а значит, и банкноты, и государственные ноты, его бумажные представители) понижался бы в ценности вместе с понижением ценности серебра. При отсутствии свободной чеканки серебра серебряные гульден, сначала ушедшие из обращения, с падением ценности серебра вновь возвратились в обращение и стали циркулировать как валютные деньги на равных основаниях и *al pari* с бумажными гульденами, покупая серебра на несколько десятков процентов больше, чем заключалось в них самих. Сходное наблюдалось в Испании, России и других странах. В России к моменту денежной реформы Витте серебряный рубль ценился на несколько десятков процентов ниже бумажного, хотя последний когда-то представлял (разменивался) серебряный рубль. С точки зрения вещно-кредитной теории ценности бумажных денег нельзя объяснить, почему же серебро не увлекло за собой в своем падении бумажные деньги, прежде разменные на него?⁷

Объяснение этих, по нашему мнению, необходимых для металлизма фактов попытался дать Л. Лефлин. Общие взгляды Лефлина на основание ценности бумажных денег вполне совпадают с вышецитированным взглядом Буржена: «Объяснение того факта, что неразменные на золото бумажные деньги имеют какую бы то ни было ценность, находится в возможности их размена. Железнодорожная акция, не приносящая дивиденда, может продаваться за цену далеко выше нуля не почему иному, как потому, что ее покупатели в этой цене выражают их убеждение в вероятности доходности предприятия в будущем и распределении дивиденда между держателями акций. Подобно этому на ценность неразменных бумажных денег суррогатов денег (*token money*) оказывает влияние наиболее важный фактор, регулирующий ценность суррогатов денег, — возможность размена. Действительно, колебание ценности находится в зависимости от учета способности или намерения эмитента исполнить обещание, выраженное в тексте банкноты, а также в зависимости от близости или отдаленности размена»⁸.

Отсюда непосредственно нельзя получить никакого объяснения вышеприведенным фактам перевеса ценности бумажных денег над ценностью металла, на который они раньше были разменны. Лефлин получает это объяснение, введя в учет то обстоятельство, что общественное мнение занимается не только оценкой

шансов восстановления размена в близком или отдаленном будущем, но и предвосхищением того, на какой металл будет произведен этот вероятный размен.

Начиная с 1867 года Австро-Венгерское правительство принимает ряд мер, более или менее определенно свидетельствующих о его намерении перейти к золотому стандарту. В связи с этим, по мнению Лефлина, и оборот меняет свою ориентацию, начиная расценивать бумажные гульденy, соотносясь с шансами размена их не на серебро, как было установлено законом, а на золото⁹, чем и открывается возможность перевеса их ценности над ценностью ранее представлявшегося ими серебра.

Неосновательность этого объяснения обнаруживает Л. фон-Мизес. В январе 1884 года 5%-ная австрийская рента котировалась по курсу 95,81. Она гласила на бумажные гульденy, и ее валютная судьба была связана с судьбой бумажных денег: установит государство размен бумажных гульденов на золото и интересы на эту облигацию будут выплачиваться в золоте. С точки зрения теории Лефлина, все различие между бумажными деньгами и твердопроцентными бумагами в том, и только в том, что одни беспроцентные, а другие процентные обязательства. Как же беспроцентное обязательство может оцениваться выше приносящего определенный процент, когда обязанным по тому и другому является одно и то же лицо — государство?¹⁰

Это было бы еще возможно, будь у оборота уверенность в осуществлении размена в очень близком будущем и если бы норма рыночного процента стояла значительно выше процента, приносимого рентой¹¹, но, как правильно отмечает Мизес, на это нельзя было рассчитывать в данное время.

При оценке бумажных денег как «подлежащих» размену долговых обязательств государства их золотой курс должен быть ниже разменного курса, если этот последний вполне предопределен, подобно тому как настоящая цена учитываемого до срока векселя ниже его валюты. В противоречии с этим стоит отмечаемый Мизесом факт, что во вторую половину 1892 года золотой курс кроны (полгульдена) колебался около величины разменного курса, и это в то время, когда момент размена находился в тумане будущего¹².

Возражение Мизеса нельзя отвести указанием на то, что бумажные деньги не могут оцениваться как беспроцентные долговые обязательства, так как они приносят процент, представляя реальный капитал. Это вытекает из их денежного качества и де-

нежной ценност
ет и чему проти

Недавно ист
дитной теории ц
скую валюту в
1916 году. В на
нот из опасения
времени ее ве
поддержание к
нейшем обнару
стью отлива за
жает инфляция
феврале 1916
прекратила по
прибегала к че
случае, не дела
шведская крон
золотом: при
могла опустит
ничто ее не об
ценности этого
ровавшаяся в э
пать больше з
прочим, нашла
попала в общи
ние чему дае
«Швеция толь
падения ценно
обесценения,
для других стр

Значит, па
фляцией. Как
ней в этом на
ность ценност

С принцип
ставляет соб
ренным случа
деном: в Авс
ра, и серебра
ности серебр
тили свободн

нежной ценности, т. е. базируется как раз на том, что игнорирует и чему противоречит теория Лефлина.

Недавно история доставила новое опровержение вещно-кредитной теории ценности бумажных денег. Мы имеем в виду шведскую валюту в том ее виде, в каком она функционировала в 1916 году. В начале войны Швеция приостановила размен банкнот из опасения отлива золота за границу. В течение некоторого времени ее вексельно-курсовая политика была направлена на поддержание курса на уровне металлического паритета. В дальнейшем обнаружилось, что она не только не стоит перед опасностью отлива за границу ее золотого запаса, а, наоборот, ей угрожает инфляция золота. В предотвращение инфляции золота в феврале 1916 года она лишила его права свободной чеканки, прекратила покупку его по ранее фиксированной цене и не прибегала к чеканке золотых монет за счет правительства (во всяком случае, не делала этого в значительных размерах). Таким путем шведская крона в значительной мере освободилась от связи с золотом: при разменности банкнот на золото ее ценность не могла опуститься ниже ценности ее золотого содержимого, но ничто ее не обязывало теперь держать свою ценность на уровне ценности этого количества золота. И действительно, эмансипировавшаяся в этом смысле от золота шведская крона стала покупать больше золота, чем содержалось в ней самой, что, между прочим, нашло выражение в вексельных курсах. Правда, и крона попала в общий поток обесценения денежных единиц, объяснение чему дает шведский экономист-теоретик Густав Кассель: «Швеция только временно достигла этой цели (предотвращение падения ценности денег), так как возобладали другие факторы обесценения, а именно более или менее принудительные займы для других стран и расточительные государственные расходы»¹³.

Значит, падение шведской кроны было вызвано кредитной инфляцией. Как бы то ни было, Швеция и другие последовавшие за ней в этом направлении страны демонстрировали самостоятельность ценности денег, их независимости от ценности золота.

С принципиальной стороны этот случай с кроной не представляет собой ничего нового по сравнению с вышерассмотренным случаем с австрийским бумажным и серебряным гульденом: в Австрии была прекращена свободная чеканка серебра, и серебряные гульдены приобрели ценность, большую ценности серебра, содержавшегося в гульдене, в Швеции прекратили свободную чеканку золота, и ценность золотых и бумаж-

ных крон со стороны максимума перестала определяться ценностью золотого содержимого кроны. Пример с кроной интересен в нашем рассмотрении тем, что он ставит теорию Лефлина в абсолютно беспомощное положение. Для объяснения ценности золотых «бумажных» крон (бумажных в том смысле, что они организованы на принципе бумажных денег) совершенно невозможно апеллировать к размену, ибо это самостоятельные металлические деньги, носящие, так сказать, размен в самих себе.

Эти и им подобные факты требуют признания того, что деньги, все равно металлические, бумажные или квазибумажные, имеют денежное основание ценности. Раз металлические деньги имеют ценность на денежном основании — функция денег является ценнообразующей для золота — то как можно отказать в этом бумажным деньгам, не лишая их качества денег?

Можно было бы еще думать, что бумажные деньги не могут длительно существовать, т. е. иметь ценность при отсутствии надежды на размен их на металл в близком или отдаленном будущем, но раз они имеют эту опору своего существования, свою текущую ценность они образуют сами на внутреннем денежном основании. Необходимость размена и, общее, реального удовлетворения мы отвергли при рассмотрении проблемы конца Б. Молля¹⁴.

3. Исторически ценность денег возникает на основе «товарной» ценности их вещества. Иначе сказать, ценность денежного вещества — исторически отправной пункт ценности денег¹⁵. Но раз деньги возникли, т. е. как отсылочные средства связались с натуральными благами, для них перестала иметь принципиальное значение потребительная или производственная ценность их вещества, они перестали нуждаться в ней. Для уяснения этого стоит лишь предположить, что предмет, имевший в период своего доденежного и в начале денежного существования потребительную ценность, с течением времени постепенно лишился ее, потому ли, что навсегда исчезла потребность, которой он раньше служил, или потому, что нашли другое свободное благо, так же совершенно удовлетворяющее эту потребность. С этим отмиранием потребительного тела предмет вовсе не обязательно должен лишиться способности выполнять функции денег¹⁶. Он может и после этого остаться в позиции денег, и это будут деньги, вещество которых имеет ценность исключительно на денежном основании.

Логически н
мажные деньги.
изводство одних
нет, но это разл
важно в вопрос
сти денег): из
ственное огран
это ограничени
институтом, их
количества ден
зрения и не име

Бумажные д
ство которых в
всякого недене
которой устана
ными деньгами

В противопо
деньги возника
Первоначальная
ет исторически
мажными. С пр
дарство сообща
если его имели
на их стороне
между ним и ча
ду частными ли
нее существова
деньги. Если бы
вали ни в каком
создать бумажн
не окольным пу
туральных благ
фантастическим

Переняв чер
его возникнове
деньги затем с
ственным орга
становятся впол
изменения цен
ные междухоз
Ну а госуда

Логически на одной ступени с такими деньгами стоят бумажные деньги. Различие между теми и другими в том, что производство одних сопряжено с реальными затратами, других — нет, но это различие не имеет значения в нашем вопросе (оно важно в вопросе о факторах, определяющих величину ценности денег): из наличия реальных издержек проистекает естественное ограничение количества денег, в бумажных деньгах это ограничение искусственное, их количество определяется институтом, их эмитирующим. Но каков характер ограничения количества денег, это важно с экономико-политической точки зрения и не имеет значения для нашего вопроса.

Бумажные деньги можно рассматривать как деньги, вещество которых вполне утратило потребительную ценность для всякого неденежного употребления. Это фикция, посредством которой устанавливается непрерывный ряд между ними и вещными деньгами.

В противоположность этим «вещным» деньгам бумажные деньги возникают при определенном участии публичной власти¹⁷. Первоначальная ценность бумажно-денежной единицы возникает исторически путем замены ранее существовавших денег бумажными. С прекращением размена банкнот на металл государство сообщает им принудительный курс¹⁸ (или удерживает его, если его имели банкноты до прекращения размена) и тем создает на их стороне право погашать всевозможные обязательства между ним и частными лицами (налоги и другие платежи) и между частными лицами. Путем такой исторической привязки к ранее существовавшим деньгам государство создает бумажные деньги. Если бы, что, конечно, невозможно, деньги не существовали ни в каком виде и государству пришла гениальная мысль создать бумажные деньги, то оно не могло бы утвердить сразу (а не окольным путем через представление ими определенных натуральных благ) в качестве денег бумажные знаки (с каким-либо фантастическим названием) за отсутствием исторической почвы.

Переняв через посредство разменных банкнот в момент своего возникновения ценность металлических денег, бумажные деньги затем сплетаются множеством нитей с народнохозяйственным организмом, пускают в него собственные корни и становятся вполне самостоятельными деньгами, в установлении изменения ценности которых проявляют себя силы, имманентные междухозяйственному обороту.

Ну а государство?

Оно проявляет свое могущество и власть над современным индивидуалистическим междухозяйственным оборотом, создавая из ничего бумажные деньги, но здесь же ставится предел его силе и здесь же обнаруживается его слабость: создав бумажные деньги из ничего, оно не в состоянии декларативным путем устанавливать их ценность на произвольном уровне. Правда, оно может влиять и фактически влияет на ценность бумажно-денежной единицы, заключая ее колебания в те или другие пределы или даже стабилизируя ее, но для достижения этого оно должно сознательно подчиниться экономическим законам и домогаться тех или иных результатов через посредство экономических регуляторов ценности денег. И с этой стороны все показывает тот же внутренний имманентный деньгам источник ценности бумажных денег, ибо их ценность не есть и не может быть результатом авторитарного волеизъявления государства¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная работа представляет собой гл. IV научного труда М. В. Абросимова «Ценность денег» (Известия Юридического факультета. Харбин, 1925. Т. 1. С. 161–170).

² Можно, правда, говорить только о полезности, как и поступает Шумпетер, уводя признак редкости в понятие полезности. При таком понимании полезности часть находящегося в изобилии блага нужно считать бесполезной.

³ В данном месте М. В. Абросимов совершенно верно (что подтверждает современная практика) отмечает товарное содержание денег, определяющее прямую связь между эмиссией денежных средств и производством товаров и услуг в рамках одного государства.

⁴ С лишением благородных металлов денежной позиции ценность золота пала бы, может быть, до настоящей ценности серебра, и одновременно с этим весьма значительно понизилась бы и ценность серебра.

⁵ Современные социалистические системы / Пер. под ред. Кудрина. С. 85.

⁶ Allgemeine Volkswirtschaftslehre. S. 111.

⁷ В отношении австрийских бумажных денег следует сделать оговорку, что разменными на серебро были банкноты в 1000, 100 и 10 гульденов, эмитированные Австро-Венгерским банком, и государственные же ноты впервые появились в виде нераз-

менных бумажных. Но это несколько исторически при-
мали их положение

⁸ The principl

⁹ Ibid. P. 53

¹⁰ Theoric de

¹¹ Если пред

что размен бум
год, то при нор
бумажным гуль
ствам золотой
5%-ной ренты –
бумажных гуль
оценке бумажн
на стоять ниже
подобного род
места: когда об
бумажных ден
правительствен
установленном
лотой денежно

¹² Theoric o

¹³ Das Getd

¹⁴ Время де

ческой теории
ствуют денежн
(за исключени
ность), а в ден
«неполноценн
ваются на зол
качеств столе

¹⁵ Благопо
относительно
тельно высок
качестве субс
влекаясь от их
ценности. Пр
прирастает пр
социальное пр
только потому

менных бумажных денег (см.: A Arnaund La monnaie... P. 508). Но это нисколько не меняет дела, так как государственные ноты исторически приспосабливались к другим бумажным деньгам и перенимали их положение.

⁸ The principles of money. P. 530.

⁹ Ibid. P. 531.

¹⁰ Theoric des Geides... S. 134 ff.

¹¹ Если предположить, что у оборота было полное знание того, что размен бумажных гульденов на золотые произойдет через год, то при норме рыночного процента, равной 6, и отношении к бумажным гульденам исключительно как к долговым обязательствам золотой курс бумажного гульдена был бы равен 0,943, а 5%-ной ренты — 83,66, чему соответствует цена 5%-ной ренты в бумажных гульденах в 88,65, т. е. в описанных условиях при оценке бумажных денег по теории Лефлина 5%-ная рента должна стоять ниже паритета (номинала). Но в действительности и в подобного рода случаях такая оценка бумажных денег не имеет места: когда оборот приобретает полную уверенность в размене бумажных денег на металл в близком будущем, определенном правительственной декларацией или косвенными признаками и по установленному курсу, бумажные деньги тяготеют к ценности золотой денежной единицы без всякого учета.

¹² Theoric des Geides... S. 137.

¹³ Das Getdprothem der Welt, erste Denkschrift. 3-te Aufl. S. 27.

¹⁴ Время действительно показало несостоятельность металлической теории денег: в современных денежных системах отсутствуют денежные единицы, содержащие драгоценные металлы (за исключением монет, представляющих нумизматическую ценность), а в денежном обращении используются так называемые «неполноценные» бумажные деньги, которые уже не размениваются на золото, что ни в коей мере не лишило их денежных качеств столетней давности.

¹⁵ Благородные металлы ценились высоко всегда и везде на относительно высоких ступенях культуры. Они имели бы сравнительно высокую ценность и при использовании иного вещества в качестве субстанции денег. Их объективная меновая ценность (отвлекаясь от их денежной функции) базируется на их эстетической ценности. Правда, с течением времени к эстетической ценности прирастает производная от нее ценность, имеющая *par excellence* социальное происхождение, а именно большинство желает их не только потому и, может быть, не столько потому, что они красивые

вещи, сколько потому, что они очень ценны. Имея в виду их высокую ценность, ими желают обладать как удобным средством выражения высокого социального положения, т. е. для удовлетворения чувства социальной амбиции, тщеславия. Кроме того, их ценность в известное время, в известных условиях имела дополнительное основание в спросе на них как удобное средство накопления и сохранения ценности.

Мимоходом отметим одну любопытную зависимость: на золото заявляют спрос (в виде спроса на различные украшения и т. п.) часто потому, что оно очень ценно, а очень ценно оно потому, что является субстанцией денег. Отношение к благородным металлам все же далеко не одинаково в разное время и у разных народов. «В древности и в средневековье, — говорит Корнелиссен, — драгоценности и дорогие камни составляли большую и более высоко ценимую часть богатства, чем в настоящее время. То же самое, эти виды богатства ценятся выше народами центральной и меридиональной Азии, чем современными нациями Европы, Америки и Австралии» (*Theoric de la valeur*. P. 97).

¹⁶ С потерей потребительной ценности предмет — деньги — может оказаться неудовлетворительным исполнителем функции денег, если его добыча, теперь вся идущая на увеличение количества денег, достигает размеров, вызывающих сильное обесценение их. В этих условиях оборот может заместить его другим предметом в денежной роли. Не следует только упускать из виду, что данный предмет выполняет функции денег, создает на его стороне весьма существенное преимущество, в этом отношении по сравнению с предметами, впервые притязавшими на эту роль и этим последним, очень трудно вытеснить из позиции денег их предшественника без помощи правительства.

¹⁷ Впрочем, бумажные деньги могут возникнуть и без всякого авторитарного воздействия государства, конечно, на основе существующих денег. Можно представить крупное предприятие в какой-нибудь колонии, которое, покупая товары и труд, уплачивает, а продавая, принимает выпущенные им квитанции, гласящие на денежные единицы. Эти квитанции, лишённые всякой правовой связи с существующими деньгами, с течением времени могут приобрести качество вполне самостоятельных денег, например с исчезновением денег, к которым они в свое время прислонялись.

¹⁸ Выражение «принудительный курс» употребляется в смысле принудительного курсирования, т. е. сообщения бумажным

деньгам законно-платежной силы. Обычно устанавливается номинальный курс, что выражается в запрещении лажа на металлические, ранее валютарные денежные знаки. Но возможно и допущение переменного биржевого курса. Во втором, третьем и четвертом десятилетии в России наряду с ассигнациями были допущены к обращению металлические деньги по биржевому курсу; правительство, предоставляя свободному частнохозяйственному обороту установление курса между ассигнационным и бумажным рублем, само признавало этот курс (см. об этом Кауфман — «Из истории бумажных денег в России»).

¹⁹ М. В. Абросимов отметил наиболее существенный недостаток, присущий бумажным деньгам, — возможность их неограниченной эмиссии и, как следствие, нередкие инфляционные проблемы современных бумажных денежных систем в условиях нестабильности государственной власти в стране.

Публикация и примечания Д. Ю. Федотова

Ю. Н. ЕГОРОВ

кандидат экономических наук, доцент
Государственного университета управления, г. Москва

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГИНС — АВТОР ПЕРВОГО РУССКОГО КУРСА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹

Предисловие

Имя Георгия Константиновича Гинса сегодня мало о чем говорит читающей публике, в том числе и тем, кто специально занимается вопросами отечественной политической и экономической истории. Г. К. Гинс начинал свою научную деятельность в той академической среде, которая в вихре революционных событий начала XX в. была разрушена, а впоследствии предана забвению. Основная научная деятельность Г. К. Гинса пришлась на время эмиграции, что никак не способствовало популяризации его идей в условиях Советской России. К сожалению, и последние годы, когда стали рушиться прежние стереотипы советской науки, не способствуют возвращению научного на-